

4 Европейский исторический форум

1914-2014: История как инструмент войны и пропаганды

13–14 ноября в фонде Генриха Белля в четвертый раз прошел Европейский исторический форум. Начиная с 2011 года, научная конференция, созданная совместно с российским научно-информационным центром «Мемориал», проводится ежегодно и собирает историков, сотрудников музея, журналистов и неправительственные организации из Восточной, Юго-Восточной, Центральной и Западной Европы, чтобы вместе критически рассмотреть вопросы истории насилия XX века и ее изложения.

На этот раз мероприятие под названием «1914–2014 гг.: история на службе войны и пропаганды» посвящено, во-первых, началу прошедшей 100 лет назад Первой мировой войны, во-вторых, началу Второй мировой войны, прошедшей 75 лет назад, а также, не в последнюю очередь, войне в Югославии в 1990-х годах. В центре внимания стоит вопрос о том, используются ли эти исторические события сегодня в Восточной Европе и на Западе Балкан в пропагандистских целях и каким именно образом. Наглядного материала по этому вопросу, к сожалению, больше чем достаточно, при этом источник большей его части — современный украинский кризис.

Центрально-Восточная Европа и Первая мировая война

Двухдневную конференцию открыл вводный доклад «Война без конца. Манипуляции наукой в Центрально-Восточной Европе, начиная с 1914 года» **др. Мацея Горного** из Немецкого исторического института в Варшаве. Свое выступление Горный начал вопросом о том, какое место занимает Первая мировая война в коллективной памяти Центрально-Восточной Европы. Ответ на этот вопрос звучит очень прозаически и сильно отличается от признанной культуры памяти в Западной Европе: «Это время, в сущности, не врезалось в память поляков, чехов, словаков, белорусов, литовцев или украинцев». При этом именно там происходили самые кровавые битвы. Более того, там произошли первые газовые атаки, и миллионы людей были принудительно эвакуированы. «Для некоторых групп и слоев общества — прежде всего, для евреев и землевладельцев — Первая мировая война была настоящей катастрофой». Катастрофой, которую позднее затмили еще более трагические события.

Однако не только коллективная культура памяти отсутствует в Центрально-Восточной Европе. Потеряна и транснациональная история политической вовлеченности интеллигенции, названной на Западе континента еще в 1915 году «войной умов», представителями которой были такие писатели, как Томас Манн, Анри Бергсон, Эмиль Дюркгейм и Герхарт Гауптман.

Однако по результатам исследования Горного «война умов» на Востоке также занимала значительное место, ни в чем не уступая «войне умов» на Западе: актеры, часто при

поддержке политических группировок и активистов, высказывались против жестокости, варварства и предательства и распространяли расовую теорию и теорию идентичности, чтобы тем самым узаконить территориальные претензии на владение для своего народа. Некоторые теории вошли в качестве аргументации в политическую практику, в том числе и после 1918 года. Таким образом, «война умов» на Востоке заключалась не столько в конфликте, развернувшемся в печатных изданиях, сколько в провозглашении послевоенного порядка, поэтому ее нельзя рассматривать как сноску истории.

Западные Балканы и Первая мировая война

В то время как в Польше, Чехии и Словакии Первая мировая война играет в культуре памяти лишь маргинальную роль, ситуация на Западных Балканах выглядит совершенно иначе. Анализом актуальных историко-политических дебатов на тему Первой мировой войны, проводившихся в этом регионе по случаю 100-летнего юбилея, занимались **Дубравка Стоянович** из университета Белграда и **Амир Дуранович** из университета Сараево. Анализ начала Дубравка Стоянович, которая подробнее осветила ситуацию в Сербии.

По словам ученой-историка, 2014 год был очень эмоциональным. Великая война и июльский кризис кажутся вездесущими. «Легко может создаться впечатление, что Сербия снова стоит перед лицом войны и окружена врагами». К 100-летней годовщине покушения на наследника Габсбургского престола Франца Фердинанда и его жены Софии 28 июня 2014 года в Боснии и Герцеговине состоялись два центральных вечера памяти: один в Сараево и один в Сербской республике. Тогда как в Сараево члены правительства Федерации Боснии и Герцеговины говорили о покушении как о трагедии и вспоминали о последствиях этого события, на втором мероприятии, посвященном совершившему покушение Гаврило Принципу, присутствовали сербские политики для чествования Гаврило Принципа как сербского национального героя. «Главы правительств соперничающих государств снова заняли противоположные позиции и снова злоупотребляют историей, чтобы выразить современные проблемы», — резюмирует Стоянович.

Но почему именно Первая мировая война играет такую особенную роль? Для Сербии это событие знаменательно, как никакое другое, поскольку сербы дважды выходили победителями: в 1914 году они отразили первое наступление австрийцев, в 1918 году победили на македонском фронте, потеряв, однако, за время войны почти $\frac{1}{4}$ населения. Не последнюю роль война сыграла для дипломатического мастерства сербского правительства при основании Югославии после окончания войны. Однако события Первой мировой войны представляют собой нечто большее, чем просто исторические факты: они создали основу для мифа об основании Сербии. Однако связь национальной идеи с Первой мировой войной существовала не всегда. Эта идея получила большое развитие только с распадом Югославии. Созданию мифа об основании способствовали как литературные произведения, фильмы, пьесы, так и исторические книги, содержание и мифы которых перешли в школьные учебники и, таким образом, формируют сегодня официальную культуру памяти и национальную идентичность Сербии. К ним относится, например, идея о том, что Сербия — великодушный, самоотверженный народ, жертвенная нация, которая во время Первой мировой войны придерживалась оборонительной тактики, и армия которой одержала победу.

Но после свержения Слободана Милошевича в 2000 году в Сербии начался новый национальный дискурс о культуре памяти, при этом реформа культуры и образования все еще не проведена. Следовательно, пережитую в 2014 году борьбу за толкование Первой мировой войны следует понимать и как борьбу за национальную идентичность,

подытоживает Стоянович. Но о том, что именно составляет национальную идентичность, до сих пор не говорят. Это свободное пространство, которое называется идентичностью, наполняется старыми эмоциями и политическими программами, жаждущими новых возможностей. Поэтому речь об истории имеет мало общего с прошлым и служит, скорее, метафорой для будущего Сербии и Юго-Восточной Европы. Смогут ли здесь изобрести новое демократичное и миротворческое общество? Или же Юго-Восточная Европа столкнется с новыми конфликтами? По мнению Стоянович, переход региона в демократическое будущее зависит от серьезного участия в культуре и образовании.

Так же эмоционально, как в Сербии, проходили дебаты о Первой мировой войне в Боснии и Герцеговине. По словам Амира Дурановича, ожидания от этого исторического юбилея были очень высокими. Однако результат оказался довольно скудным. Даже центральный вечер памяти в Сараево, который уже упоминался в рассуждениях Стоянович, прошел иначе, чем предполагалось. Еще с 2013 года в прессе говорили о том, что главы европейских государств, в том числе Ангела Меркель и Франсуа Олланд, примут участие в церемонии, на которой планировалось совместно отправить дружественное послание всему миру. Но в конечном итоге присутствовали только послы, являющиеся «дипломатическими представителями, которых мы и так видим постоянно», — говорит Дуранович. Таким образом, получить ожидаемое широкое внимание не удалось.

Помимо центрального вечера памяти, состоялись также разнообразные конференции, выставки, общественные и внутренние дебаты и различные демонстрации. Однако, к сожалению, как показывает анализ Дуранович, никто не хотел участвовать в широких дебатах. Более того, Первая мировая война сократилась до покушения Гаврило Принципа. Вопрос о том, был ли он террористом, обсуждался везде, на эту тему даже проводились социологические опросы среди населения. Другие ключевые вопросы темы публично практически не освещались. Кроме того, различные акции локально были очень ограничены, зачастую подвергаясь политическому влиянию. Ожидаемый эффект — объединение вокруг этого юбилея распавшегося в 1990-х годах боснийского общества — не был достигнут. Более того, согласно выводам Дурановича, на данный момент это общество является еще более расколотым.

Западные Балканы и анализ 1990-х годов

Историк **Николас Молль** говорил о том, насколько исторические события 1990-х годов раскалывают не только общество, но и историографию в Боснии и Герцеговине, а также в других странах бывшей Югославии.

В целом, в постконфликтных регионах можно различить три тенденции обращения с анализом кризиса: 1) обсуждения темы избегают; 2) тема считается идеологической; 3) тема считается неидеологической. Разумеется, строгого разделения между тремя подходами не существует, они, скорее, плавно переходят друг в друга, как объясняет Молль.

Что это значит для стран бывшей Югославии, в частности для Боснии и Герцеговины, Хорватии и Сербии? Во всех трех странах преобладает первая тенденция — игнорирование темы. Даже в школьных учебниках не рассматриваются Югославские войны, причем считается, что данное решение было принято осознанно и рекомендовано самим Советом Европы.

Тот факт, что многие историки также не затрагивают тематику 1990-х годов, связан с тем, что ввиду политического контекста и сильных националистических тенденций довольно трудно

непредвзято подойти к этому вопросу. «Каждый, кто как ученый отважится на это, знает, что ступает на минное поле». Так, например, совсем недавно политолог Деян Йович вынужден был уйти с должности политического консультанта, потому что в своей статье поставил под вопрос референдум о независимости Хорватии. Другой историк отклонил предложение написать докторскую диссертацию о войне в Боснии и Герцеговине, так как в этом случае на него оказывалось бы слишком сильное давление, и он не смог бы оставаться беспристрастным. «Сейчас он работает над Средневековьем, или XVII веком, или еще над чем бы то ни было».

Те историки и научные институты, которые официально занимаются военными годами, придерживаются очень идеологического подхода и оперируют преобладающим дискурсом, «который подчеркивает собственные страдания и собственный героизм и замечает только те преступления, которые были совершены другой стороной». К их числу относятся, например, Хорватский информационный центр памяти Отечественной войны в Загребе, боснийский научно-исследовательский институт преступлений против человечности и международного права или Центр Сербской Республики по расследованию войны и военных преступлений и поиску пропавших. Хотя в учреждениях и возникали единичные хорошие работы, но, в целом, по выводам Молля, институты крайне политизированы.

Научные статьи, в которых Югославские войны рассматриваются с неидеологической точки зрения, в настоящее время появляются редко и разрабатываются медленно. Однако, по мнению Молля, этот процесс не стоит слишком критиковать, поскольку для того, чтобы оценить конфликты, требуется определенное время. «Сколько времени прошло в Федеративной республике, пока в историографии не был разработан критический подход к национал-социализму?» Некоторые из этих работ без идеологической окраски появляются за границей, другие — на фоне Memory Studies, в них идет речь не столько о 1990-х годах напрямую, сколько о воспоминаниях, которые с этими годами связаны. Вне историографии также намечаются стремления проанализировать военные годы, основываясь на фактах. При этом значимые статьи и публикации создают неправительственные организации, журналисты, социологи, юристы, работники культуры и педагогические проекты, которые проводятся в сотрудничестве с историками-исследователями.

Использование Первой мировой войны Россией в целях пропаганды

В то время как на Западных Балканах наблюдаются стремления проанализировать историю, будь то события Первой мировой войны или 1990-х годов, в России вырисовывается прямо противоположная картина: здесь на фоне украинского кризиса история используется как средство пропаганды. Каким образом российская пропаганда пользуется историческим изложением Первой мировой войны и модифицирует его в своих политических целях, представляет историк **Никита Соколов** в своем докладе «Первая мировая война в динамике российского восприятия». При этом он разъясняет, что до 2014 года Первая мировая война не играла роли в культурной памяти. Более того, война считалась забытым событием, войной без героев. В области науки данное историческое событие также считается исследованным, несмотря на то, что за прошедшие десять лет появились некоторые публикации, посвященные, прежде всего, антропологическим вопросам. Также в школьных учебниках историческое изложение до сих пор ясно описано и совпадает с европейской точкой зрения, а именно: Первая мировая война была империалистической, Россия и все остальные государства были заинтересованы в перераспределении мира, и все стороны в равной мере виноваты; российская государственная власть действовала неэффективно и

война ее сломила; с подписанием Брест-Литовского мирного договора Россия вышла из войны проигравшей стороной и вынуждена была отказаться от всех притязаний на победу.

Столетием позже, в августе 2014 года, президент Владимир Путин во время торжественного открытия памятника «Героям Великой войны» в Москве представляет абсолютно противоположную интерпретацию Первой мировой войны. В телевизионном репортаже, который Соколов поставил перед своим докладом, он говорит о «героических боях», о «правде», которую наконец-то рассказывают, о России, которая хотела уберечь от войны Европу, в частности Австро-Венгрию и Сербию. Но никто тогда не внял России, и ей пришлось действовать, чтобы не в последнюю очередь спасти славянский братский народ: «Честь русским войскам», — говорит Владимир Путин.

Эти слова кажутся сомнительными и абсурдными, однако Путин говорит это всерьез. Соколов утверждает, что эта речь представляет собой тот путь, который Россия выберет в будущем. 5 ноября Путин встречался с избранными молодыми историками, которые перед телевизионной камерой заверили своего президента, что в Первой мировой войне Россия была разбита не на фронте, а предана внутренними врагами. Кто был этими врагами, молодые специалисты, однако, не разглашают. Только через несколько дней, 13 ноября, во время ток-шоу Владимира Соловьева на канале «Россия 1» были названы их имена. Его гость, преданный Путину писатель Николай Стариков, разъясняет: «Почему мы, несмотря на то, что имели все, не выиграли войну? Потому что были предатели. И ими были не большевики. В феврале 1917 года Россию предали либералы, которые вместе с английским посольством готовили государственный переворот».

Таким образом, пропаганда Путина уже вездесуща. На вопрос, какую цель преследует таким образом Россия, у Соколова ответа нет. В конце концов, он историк, а не психиатр. Тем не менее можно констатировать, что российская пропаганда в своей кажущейся, в виду спонтанности, бесперспективности и нелогичном поведении действующих лиц представляет собой опасное явление, которое уже преобразовало культуру памяти о Первой мировой войне в России, а в ближайшем будущем перепишет и школьные учебники. «А что потом?..»

Политическим языком российского правительства в рамках современного украинского конфликта занимался московский историк и филолог **Гасан Гусейнов**. В первую очередь он пытался найти ответ на вопрос о том, почему украинский кризис характеризуется как «кризис» или «конфликт», но не как война, хотя именно войну он собой и представляет. «Мы везде слышим «кризис на Украине», но какой кризис? Почему кризис? Как можно назвать действия нашей страны, нашего государства, поддерживаемого большинством населения, которое захватывает часть соседней страны? С помощью вежливых людей без опознавательных знаков (...). Затем какие-то вооруженные банды посылают на Восток Украины: что-то вроде ландвера, люди, которые зарегистрированы в Москве и являются гражданами России, и они ведут войну в соседней стране. Значит, это и называется кризисом», — констатирует Гусейнов.

Почему правительство Путина не называет конфликт войной, можно понять только в контексте советского прошлого, в котором с 1945 года была только одна единственная война — Великая Отечественная, из которой советская власть вышла победителем. Ни гражданская война, ни Первая мировая война, ни войны во Вьетнаме, Африке или Лаосе не характеризуются как войны. «Советский союз официально не вел войн, войн не было», — говорит Гусейнов. Даже войну в Афганистане 1978–1989 г. никогда не называли своим именем, а на официальном политическом жаргоне она обозначалась как «временное пребывание ограниченного контингента советских войск в Афганистане по просьбе местного

законного правительства». Только в 1990-х годах, а следовательно, после распада Советского союза и его централизованной пропаганды в политическом языке, стали возможны вольности, и вещи начали называть своими именами, например, обе войны в Чечне назывались Первой и Второй чеченскими войнами.

Но с 1999–2000 гг. наступила новая эра с новой военной пропагандой в авторитарном режиме, «что мы не всегда понимаем», — говорит Гусейнов. Он охотно охарактеризовал бы современные события как сумасшествие или как безумие, но с медицинской терминологией здесь вперед не продвинуться. «Нужно найти логику в безумии». В центре этой логики стоит Первая мировая война и, как результат этой войны, начало октябрьской революции 1917 года, захват власти фашистами в Италии в 1922 году, национал-социалистами в Германии в 1933 году и т. д. Именно Первую мировую войну путинская Россия использует как средство пропаганды с целью создания того эмоционального состояния, в котором люди позволяют собой управлять. При этом путинская пропаганда обращается не к небольшой части населения, а ко всем постсоветским гражданам, недовольным состоянием своей страны.

Украина и противоречивая фигура Степана Бандеры

Одним из средств пропаганды Кремля является, среди прочего, утверждение, что Украиной правят фашисты. Питательную среду для этого утверждения создает историческая фигура Степана Бандеры, очень спорной личности в украинском обществе. Кем был этот Степан Бандера и каковы сыгранные им в истории Украины различные роли, рассказал **Владимир Маслийчук**.

С 1930-х годов Степан Бандера являлся одним из руководителей Организации украинских националистов (ОУН). Во время Второй мировой войны, в феврале 1940 года, ОУН распалась на два лагеря: первый возглавил Андрей Мельник, целью которого было сотрудничество с нацистской Германией; второй лагерь возник вокруг Степана Бандеры. Под «бандеровцами» подразумевались революционеры, цель которых заключалась в создании независимого украинского государства. Приверженцев национальной идеи они находили, в первую очередь, на Западной Украине. Еще в 1941 году сторонники Бандеры во Львове провозгласили независимость Украины, предполагая, что нацистская Германия ее признает. Однако вышло иначе: через несколько недель Степан Бандера был арестован отрядами СС и отправлен в концлагерь Саксенхаузен, где пребывал под арестом до 1944 года.

Через несколько месяцев, в 1942–1943 гг., бандеровское крыло основало Украинскую повстанческую армию (УПА), которая в результате захватила некоторые области Польши, в том числе с помощью немцев. По словам Маслийчука, эти завоевания относятся к менее славной истории Повстанческой армии, поскольку они сопровождались этническими чистками, так называемой Волынской резней, что представляет собой исторический факт, официальную оценку которому Украина не дала до сих пор.

В конце войны, с 1944 года, ОУН и УПА сражались против советской армии. Со временем это должно было стать борьбой против коллективизации и советской системы в целом.

После распада Советского союза ситуация вокруг памяти о Степане Бандере изменилась: борьба ОУН и УПА за независимую Украину впервые была признана официально. Уже в 1989 году был установлен первый памятник Степану Бандере. Повсюду в Украине образ Бандеры распространялся как образ борца за свободу. Этот образ поддерживался в кинофильмах, книгах и школьных учебниках. Однако в политике в 1990-х годов память об

ОУН/УПА играла очень противоречивую роль: на Западе страны продолжали открывать памятники Бандере и называть его именем улицы, а на Востоке, напротив, и впредь почитали культ Великой Отечественной войны.

Только после «Оранжевой революции» и прихода к власти президента Виктора Ющенко спор вокруг Бандеры продолжился в новом измерении: Ющенко, который не делал тайны из того, что он представляет националистический взгляд на историю, хотел провозгласить УПА героями Второй мировой войны. С этой целью в 2006 году он основал «Украинский институт национальной памяти», который должен был заниматься анализом истории ОУН и УПА. Но серьезный анализ здесь никогда не проводился, так как институт представлял собой всего лишь инструмент пропаганды. Так что результат не удивил: проблематика вокруг участия УПА и ОУН в холокосте и Волынской резне была преуменьшена, УПА чествовали как борцов за свободу. Кроме того, в 2010 году Ющенко посмертно наградил Бандеру званием героя нации. Комментарии России по поводу политики Ющенко уже тогда имели жесткий характер: Украиной руководят националисты, реабилитирующие фашистов, — форма пропаганды, которая процветает в настоящее время, как утверждает Маслийчук.

Когда в феврале 2010 года к власти пришел президент Виктор Янукович, своим первым официальным актом он лишил титула Степана Бандеру. Более того, он объявил себя борцом с украинским национализмом и в этой связи приказал вычеркнуть национальные движения даже из школьных учебников. По мнению Маслийчука, этим Янукович создал больше замешательство. Теперь и националисты, и либералы сделали Бандеру символом борьбы против режима Януковича. Борьба за повторное признание Степана Бандеры, ОУН и УПА стала частью предвыборной программы правопопулистской партии «Свобода», которая на парламентских выборах 2012 года получила за счет этого более 10 процентов голосов.

Во время Майдана 2013–2014 гг. Степан Бандера снова стал символом независимой Украины, но не для основной массы народа, как подчеркивает Маслийчук. Большинство участников Майдана хотели и хотят жить не в каком-то прошлом, а в независимом европейском государстве. Однако украинская пропаганда все же не откажется от образа Бандеры как борца за свободу. Скорее, предполагает Маслийчук, прославление УПА и ОУН ввиду военных столкновений на Востоке страны будет только усиливаться.

Борьба с пропагандой: что делать?

Главный вопрос, который встал перед участниками четвертого исторического форума после анализа актуальных историко-политических спорных вопросов в Восточной Европе и на Западных Балканах, звучал так: «Что можно предпринять против пропаганды?» Эта проблематика обсуждалась в **трех** параллельно действующих **рабочих группах (РГ)**.

В **первой РГ** поясняли, что может сделать в этом отношении образование и работа с молодежью. Участники представили практические примеры из своих регионов. Амир Дуранович, например, рассказал о работе Европейского исторического общества EUROCLIO-NIP BiH в Боснии и Герцеговине. В состав общества входят учителя истории, историки, студенты исторических факультетов и сотрудники музеев. Всего 177 членов организации занимаются дидактическим анализом истории XX века. Вместе они разрабатывают и составляют учебные материалы для начальных и средних школ, а также организуют семинары для учителей.

Еще одной инициативой, участники которой также занимаются разработкой учебных материалов, является Совместный исторический проект из Белграда, который представил

Никола Микилич. Международный проект воплотили в жизнь историки из Юго-Восточной Европы. Ученые совместно разрабатывают учебники по истории, в которых исторические события описываются с разных точек зрения. Уже опубликованы и переведены на разные языки рабочие тетради, посвященные темам Османской империи, Балканских войн, Второй мировой войны и ситуации в государствах в советское время.

О проектах, которые организует центр «Мемориал» в Москве для анализа истории, рассказала Наталья Колягина. Уже 15 лет организация проводит конкурс среди школьников «Человек в истории», где учащихся призывают проанализировать историю их семьи научным способом. Кроме того, «Мемориал» организует тематические семинары для повышения квалификации учителей.

На работу с молодежью направлен также проект Youth Initiative for Human Rights (Молодежная инициатива по правам человека) из Боснии и Герцеговины. Участники инициативы собирают молодых людей со всех Балкан на семинарах и в лагерях, чтобы с помощью историков и очевидцев проанализировать события 1990-х годов. Кроме того, как утверждает Недим Ягич, у молодых людей пробуждается интерес и к таким темам, как права человека и анализ истории в целом.

Вопросом о том, какую функцию может взять на себя искусство во время кризиса и в послевоенном обществе, занимается **вторая РГ**. Антон Дубин из «Мемориала» в Москве открыл дискуссию собственными отрицательными примерами из России, которые показали, что как скульпторы, музыканты, так и представители изящных искусств принимают участие в современной путинской пропаганде. Среди прочего, он продемонстрировал выдержки из поставленной летом в Санкт-Петербурге оперы «соучастия» «Крым», в которой, как можно догадаться по названию, идет речь об Украине. В ней изображается нападение фашистской киевской хунты на русский народ, причем русский народ символизируют зрители.

Нада Бобичич в своем докладе показала, какие темы поднимает современный сербский театр. Основываясь на драме «Убийцы драконов» писательницы и драматурга Милены Маркович (1974 г. р.), она разъяснила, какую роль Первая мировая война играет в современной литературе и драматургии. Прежде всего, в центре полемики все еще остается покушение Гаврило Принципа и связанный с ним с 1980-х годов националистический дискурс.

Историю создания в Сараево военного театра SARTR (Saraievski ratni teatar) рассказал директор театра Нихад Кресевлякович. SARTR был основан в мае 1992 года, через несколько недель после начала войны в Боснии. В учредительном документе в то время было записано, что театр очень важен для духовной защиты города. Во время войны SARTR был местом, где люди могли расслабиться и получить ощущение нормальности, человечности и мира. Не в последнюю очередь из-за своего опыта Кресевлякович убежден, что искусство должно выполнять не только эстетическую задачу, но и, прежде всего, этическую. Это является требованием, которое театр ставит перед собой и сегодня.

Какие варианты предлагают Интернет и социальные сети в борьбе против пропаганды, обсуждают участники **третьей РГ**. Среди них был и Давид Копалиани из Тбилиси. Вместе с коллегой в 2010 году он основал инициативу SOVLAB (Исследовательская лаборатория советского прошлого), которая занимается анализом советского прошлого в Грузии. К примеру, среди прочего, организация ведет общественно доступный онлайн-проект www.archive.ge, в котором собраны фотографии, официальные документы, частные письма, записанные интервью с очевидцами, ставшими жертвами режима, и видеоматериалы о людях, переживших чрезвычайные события. Кроме того, SOVLAB организует дискуссии,

которые транслируются в Интернете через Livestream (www.livestream.com/sovlab). Все их акции документируются, как и те, что проводятся «офлайн», в том числе на Facebook (www.facebook.com/sovlab).

Учитель истории из Сербии Александар Тодосиевич основал блог, посвященный теме истории на уроке. С одной стороны, он сам пользуется подготовленными на <http://ucionicaistorije.wordpress.com> средствами информации, такими как видео, фото и презентации в PowerPoint, с другой стороны, школьники и учителя могут использовать дополнительные обучающие материалы. Кроме того, в рамках блога ведется дискуссионный форум, где заинтересованные могут обмениваться мнениями. Тодосиевич убежден, что хороший урок истории сегодня не обходится без цифровых средств информации, поскольку они делают занятие более захватывающим. Поскольку в Интернете до сих пор не было ничего подобного на сербском языке, он без колебаний основал этот проект самостоятельно.

Журналистка Наталья Конрадова из Москвы сообщила о том, каким виртуальным атакам могут подвергаться интернет-сайты. Помимо этого, она работала над темой «информационной войны», которая в России началась задолго до украинского кризиса. Как выглядит эта «информационная война»? С одной стороны, с момента вступления Владимира Путина в должность начался процесс централизации всего спектра СМИ, с другой стороны, начиная с 2000-х годов, правительство открывает так называемые «спойлер-проекты», которые «портят» смысл уже существующих проектов. Так произошло, например, с антифашистским движением «Наши», название которого сегодня ассоциируется только с государственной организацией «Наши», основанной в 2005 году. Кроме того, существуют «спойлер-проекты», где используются так называемые «тролли» и «боты», распространяющие в Интернете ложные сообщения, например, на форумах, где обсуждаются газеты, или в социальных сетях, таких как Facebook и ВКонтакте. Одним из самых эффективных методов противодействия пропаганде является инициация проектов, которые занимаются проверкой фактов и вскрытием ложных сообщений.

Такой проект воплотила в жизнь **Марго Гонтар** из Киева. Молодая журналистка вместе с сокурсниками и выпускниками факультета журналистики Киево-Могилянской академии основала в Киевском национальном университете краудфандинг-проект **stopfake.org**. Какое количество абсурдных ложных сообщений ежедневно в сети находит редакция, Гонтар рассказала в своем докладе.

Среди них была фотография, опубликованная в апреле 2014 года на интернет-сайте povogus.info, на которой были изображены украинские танки со свастикой. На оригинальном фото агентства «Рейтер» этого символа не было. Утверждение, что его нарисовали украинские солдаты, является ложным. Настолько же ложным является сообщение о том, что евреи из страха перед новым антисемитским правительством бегут из Киева, распространенное в марте телевизионным каналом Russia Today. Здесь речь шла, скорее, о раввине Мише Капустине, который после аннексии Крыма Россией и последовавшими вскоре после этого антисемитскими действиями в его городе решил покинуть Симферополь.

С марта 2014 года существует русско- и англоязычный портал stopfake.org онлайн. На сегодняшний день (по состоянию на ноябрь 2014 года) редакции удалось обнаружить почти 500 ложных сообщений. Ежедневно к ним добавляются новые фальшивые новости. И ежедневно новые пользователи посещают сайт: начиная с марта, stopfake.org насчитывает почти семь миллионов пользователей — большой успех для этой инициативы.

Заключение

Европейский исторический форум регулярно проводится с 2011 года. Все участники заранее осознавали, что разговор об истории насилия XX века будет нелегким. Дискуссии велись о вине, непонимании, мифах, войне и пропаганде, «но никогда раньше дискуссии не проходили в такой атмосфере, в которой все, что связано с историей, становилось чрезвычайно актуальной и горячей темой», — сообщила Ирина Щербакова из «Мемориала» в своем резюме. Она довольна тем, что за время конференции удалось вместе «максимально задуматься» над событиями, происходящими в настоящее время. Ведь как заметил Вальтер Кауфман из фонда Генриха Белля, война в Украине — это «общая проблема: непосредственная травма для живущих там людей, огромная проблема для России и проблема для всей Европы». Ему трудно оптимистично смотреть в будущее. Утешить может только следование собственной программе действий.

Приложение: вечер экскурсий

Наряду с дискуссионными форумами и рабочими сообществами, во время четвертого Европейского исторического форума был запланирован также вечер экскурсий. Предложение включало три экскурсии: одна группа посетила Военно-исторический музей в Гатове, вторая — Новое гарнизонное кладбище в Берлин-Темпельхоф, а третья — Советский обелиск в Трептов-парк в Берлин-Трептов.

Военно-исторический музей в Гатове

Капитан Ян Берендт провел группу по Военно-историческому музею на закрытом аэродроме и подробно осветил историко-дидактический подход бундесвера в XXI веке. Идея этого музея — не только ближе познакомить посетителей с техническими аспектами развития авиации, но и создать место, где воздушные войны будут рассматриваться с критической точки зрения. С этой целью сюда приглашается как общественность, так и военнослужащие. Кроме того, музей рассматривается как платформа для исторических дебатов. Юлию Попову, которая рассказала об экскурсии, этот историко-дидактический подход поразил, в хорошем смысле. В Украине таких военно-исторических выставок или музеев она не видела. На подобных мероприятиях всегда ведется Великое повествование о героических целях, которых солдаты и государство достигли вместе.

Новое гарнизонное кладбище

О «кладбище кладбища» беседовали участники второй экскурсии. Вместе с историком искусства Кристианом Заэрндтом они посетили Новое гарнизонное кладбище в районе Берлин-Темпельхоф. Это бывшее военное кладбище было основано в 1866 году. Рядом с ним находится старейшее исламское кладбище Германии, заложенное еще в 1798 году, поводом чему послужила смерть посла из Османской империи. В то время как исламское кладбище сегодня еще активно используется, гарнизонное кладбище с его братскими могилами скорее предано забвению. Один раз в году, в национальный день траура, к памятникам возлагают венки — как от подразделений бундесвера, так и от правоэкстремистских партий и объединений. На примере выборочных военных захоронений Заэрндт показал, какой политический почерк по ним читается, например, кем установлено надгробие — победившей или проигравшей стороной. Это заметно, в том числе, и по

используемым материалам. Так, единственный памятник Германских войн за объединение (1866 г. и 1870–1871 гг.), поставленный победителями, стоит на гранитном постаменте; памятники времен Первой и Второй мировых войн, проигранных Германией, выполнены из природного камня и известняка.

Советский обелиск

Живую дискуссию вызвал Советский обелиск в Трептов-парк, который группа посетила вместе с Яном К. Берендсом из Центра исторических исследований Потсдама. Изготовленный в 1949 году, он служил памятником павшим в Берлине солдатам Второй мировой войны, или Великой Отечественной войны, как ее окрестил Иосиф Сталин. И сегодня — один раз в году, в День победы 9 мая — он привлекает тысячи посетителей. Справедливо? Или неправильно? Именно это обсуждала аудитория. В то время как одни считали, что памятник представляет собой артефакт истории, который также передает знания, другие думали, что в общественном месте ему делать нечего. Третий, сглаживающий голос утверждал, что памятник в любом случае нужно сохранить, но снабдить «комментирующим» памятником, который бы наводил на размышления.

Мария Угольев | Берлин, ноябрь 2014 г.